

ДНЯО завтрашнего дня

Бессрочный значит вечный?

Владимир Орлов, Иван Трушкин

В мае в Нью-Йорке в течение четырех недель развернутся баталии вокруг судьбы Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). В него входят 189 государств. Он носит бессрочный характер. Его часто называют краеугольным камнем международной безопасности. Но это сегодня. А какое место он займет в архитектуре безопасности нового столетия?

ДНЯО был открыт к подписанию 1 июля 1968 года, именуемым то «годом, изменившим мир», то «годом-лихорадкой». Только что отцвела тогда баррикадная парижская весна. Но еще буйствовала весна пражская. Не пройдет и двух месяцев, как по улицам Праги загрохочут гусеницы советских танков.

ЖИВЕЕ ВСЕХ ЖИВЫХ

ДНЯО благополучно пережил европейские заморозки. Как впоследствии и апофеоз холодной войны, и крах биполярного мира, и вхождение в новый век с изменившимся набором вызовов и угроз. Его 11 емких статей никогда не потрясали мир, но всегда оставались прочно зацементированным фундаментом международного режима ядерного нераспространения. А когда мир сотрясаялся от кризисов, ДНЯО неизменно оказывался «сейсмоустойчивым»: кому-то кажется даже подозрительным, как это за столько лет его не избороздили трещины. Очередной замер прочности — майская Обзорная конференция.

Успехи Договора неоспоримы. Главный из них — расширение «ядерного клуба» минимизировано. До заключения ДНЯО принято было рас-

В.А. Орлов — президент ПИР-Центра, главный редактор журнала «Индекс Безопасности», член Общественного совета при Министерстве обороны РФ. Принимал участие в трех Обзорных конференциях ДНЯО в 1995, 2000, 2005 гг.
И.В. Трушкин — научный сотрудник ПИР-Центра.

суждать о мире, в котором будет несколько десятков ядерных государств. Военные программы активно развивали Швейцария и Швеция, Австралия и Канада. К ядерному оружию в разные годы присматривались Египет и Турция, Южная Корея и Тайвань, Аргентина и Бразилия. Но за всю историю Договора обманщиками оказались немногие государства (Ирак, Ливия, Румыния и, вероятно, Иран и Сирия).

Сегодня мы имеем лишь считанное число «уклонистов» режима: Израиль, Индия и Пакистан, последовательно стремящиеся оставаться вне Договора и имеющие собственное ядерное оружие, а также КНДР — единственное государство, в 1993 г. инициировавшее, а в 2003 г. возобновившее процедуру выхода из него и освоившее военную ядерную программу вплоть до проведения испытаний. Иран, не выходящий из Договора, «уклонистом», строго говоря, не является, однако осуществлял с середины 1980-х гг. по 2003 г. ограниченную военную ядерную программу под покровом членства в ДНЯО (и, не исключено, продолжает осуществлять).

По сути, уже около двух десятков лет разговоры о ядерном нераспространении вращаются вокруг этого тревожного, но все же ограниченного списка государств. Откройте газеты 20-летней давности, посмотрите публикации по распространению: не возникнет ли *déjà vu*? Что бы ни утверждали поклонники «принципа домино», прочих кандидатов в новые ядерные государства не просматривается. Напротив, за последние два десятка лет в ДНЯО пришли два признанных ядерных государства — Франция и КНР, а также Южно-Африканская Республика, которая добровольно отказалась от собственного ядерного арсенала и ликвидировала его. В качестве неядерных государств к Договору присоединились Белоруссия, Казахстан и Украина, на чьих территориях осталось размещенным стратегическое ядерное оружие после распада СССР. В последнем случае безъядерный результат стал плодом трудного компромисса.

К досаде тех, кто патетически предрекает «кризис» Договора и даже его «скорый крах», фундаментальных проблем, рискующих перечеркнуть его, мы в обозримой перспективе не наблюдаем. Впрочем, как можно догадаться, цель этой статьи — не панегирик ДНЯО, а анализ связанных с ним проблем. Выделим пять основных «болевых точек»: разоружение; универсальность; выход из Договора; мирное использование атомной энергии; ядерную безопасность.

«ОКОЛО НОЛЯ»

«Ядерный ноль» становится новомодной темой в нераспространении. Проводятся конференции и саммиты, вычерчиваются всевозможные

«дорожные карты», чтобы проложить кратчайший путь к миру без ядерного оружия.

Вообще, цель «ядерного ноля» — не пожелание, а обязательство всех 189 государств — участников ДНЯО, как неядерных, так и ядерных. Оно предельно четко изложено в статье VI, являющейся одной из трех главных «несущих конструкций» Договора наряду с собственно ядерным нераспространением и с правом на мирное использование атомной энергии. Еще более внятно оно изложено в Заключительном документе Обзорной конференции 2000 г., который был принят консенсусом: «Участники конференции договариваются о недвусмысленном обязательстве государств, обладающих ядерным оружием, осуществить полную ликвидацию своих ядерных арсеналов, ведущую к ядерному разоружению».

Стоит только одной из «несущих конструкций» ДНЯО просесть под грузом пустых деклараций, не подкрепленных конкретными шагами, как рискует расшататься и весь сложный, взаимозависимый механизм режима нераспространения.

Последние 10 лет были синонимом стагнации в деле ядерного разоружения. 1 апреля прошлого года президенты Дмитрий Медведев и Барак Обама, впервые встретившись в Лондоне, объявили, что Россия и США станут лидерами движения в сторону безъядерного мира. Спустя всего пять дней Обама развил «апрельские безъядерные тезисы», выступая в Праге. Оба президента договорились начать переговоры о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ).

Переговоры шли трудно, иногда мучительно. Основным препятствием стали, как это ни странно, не цифры с порогами сокращений боеголовок и носителей. Мешало отсутствие глубинного взаимного доверия. Успешный июльский визит Обамы в Москву и последовавший за этим в сентябре отказ от размещения элементов американской системы ПРО в Чехии и Польше, конечно же, расчищали путь к договоренности. Но они так и не смогли полностью освободить диалог от накопившейся за годы и десятилетия взаимной подозрительности. За неполные два десятилетия, прошедшие со дня подписания Договора СНВ-1, навыки переговорщиков во многом атрофировались. К счастью, новые команды с обеих сторон возглавили профессионалы высочайшего класса Анатолий Антонов и Роуз Гетемюллер.

Итак, 8 апреля 2010 г. расцвела «пражская разоруженческая весна». Установленный новым Договором уровень в 1 550 развернутых боезарядов для каждой из сторон примерно на треть ниже предельных уровней,

установленных предыдущим Договором (хотя тот скорее похож на протокол о намерениях) между Россией и Соединенными Штатами о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП). Установленный потолок в 700 развернутых носителей — это ниже более чем в два раза. Подход предсказуемый (прежние «баталии о деталях» были всего лишь хроникой объявленного успеха) и не слишком радикальный (без заметного ущерба для безопасности можно было бы оставить 1 000 развернутых боеголовок). Зато результат устраивает обе стороны и посылает важный и недвусмысленный сигнал всему миру: Москва и Вашингтон действительно идут по пути реального ядерного разоружения, а не просто говорят о нем. Такое «яичко» особенно дорого к «христову дню» — майской Обзорной конференции. Теперь Россия и США являются в Нью-Йорк с высоко поднятыми головами, им не нужно уходить «в глухую несознанку» по части своих ядерных намерений.

Впрочем, Договор еще должен вступить в силу. Предыдущий опыт с американцами не слишком утешителен, и самым правильным подходом была бы одновременная ратификация в обеих странах. До этого говорить о дальнейших шагах в области ядерного разоружения преждевременно. Однако и в Вашингтоне, и в Москве такой путь начинают вычерчивать «пунктиром» уже сейчас. Что может быть в *двустороннем меню* на ближайшую пятилетку?

Во-первых, продвинуться в реальной совместной работе над предотвращением ракетных угроз, включая их оценку и создание противоядия. Прежде всего надо определиться, по какой линии действовать: Россия — США или Россия — НАТО? И как сюда встраивается диалог России с ЕС?

Во-вторых, приступить к сокращениям не только стратегических, но и субстратегических ядерных вооружений. Для этого Соединенным Штатам придется сначала в одностороннем порядке вывести все свое тактическое ядерное оружие из Европы, и есть сигналы, что Вашингтон это принял к сведению.

В-третьих, приступить к параллельной дискуссии о неразмещении оружия в космосе. Интересы к ней США пока не проявляли.

Помимо двустороннего диалога государств, на долю которых в совокупности приходится более 95 % всего ядерного оружия, есть и другие ядерные государства, а здесь мы видим разнонаправленные тенденции в отношении «ядерного поля».

Великобритания серьезно и последовательно готовится к миру без ядерного оружия. Это, конечно, вопрос десятилетий. И все же именно Великобритания имеет шансы стать вторым после ЮАР государством мира,

которое добровольно уничтожит свое ядерное оружие и первым из тех, кто обладает признанным статусом ядерного государства.

Франция испытывает дискомфорт от американских и российских разоруженческих деклараций. Рассуждения Карлы Бруни о том, что ее привлекает мужчина, имеющий под рукой ядерную кнопку, как ни странно, точно отражают восприятие ядерного оружия французским общественным мнением — это статусный символ. «Да, я люблю ядерную бомбу», — признался один видный французский политолог. Париж, конечно, тоже будет заявлять о мерах, направленных на сокращение ядерных арсеналов, балансировать «около ноля», но на обозримую перспективу к достижению результата он не склонен.

Наконец, *КНР*, сохраняющая, по официальным данным, скромный ядерный арсенал, имеет возможность, если верить утверждению китайского эксперта Динли Шэня и ряда других специалистов, молниеносно удвоить этот арсенал.

Что можно сделать в ближайшие пять лет на *многостороннем уровне*, чтобы обеспечить поступательное движение к заветному «нолю»?

Во-первых, все ядерные державы могли бы взять на себя обязательство (через совместную декларацию или односторонние параллельные заявления) не наращивать арсеналы. Это не вызовет возражений со стороны одних (Великобритания, Россия, США), но может стать вызовом для других (Китай).

Во-вторых, все ядерные державы могли бы взять на себя обязательство (по той же модели) не размещать ядерное оружие на суше за пределами национальных территорий. Первый шаг сделан: новый Договор по СНВ включает это положение в отношении российских и американских стратегических вооружений. Теперь следует распространить его на все виды вооружений и все ядерные государства.

В-третьих, должно быть обеспечено скорейшее вступление в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Это не произойдет до тех пор, пока его не подпишут и не ратифицируют Индия, КНДР и Пакистан, ратифицировать должны подписавшие Египет, Израиль, Индонезия, Иран, КНР и Соединенные Штаты. Мы согласны с российским дипломатом Олегом Рожковым, который, выступая в феврале с. г. на международной конференции, организованной ПИР-Центром, заявил: «Ситуацию с ратификацией ДВЗЯИ сегодня иначе как скандальной не назовешь, так как с момента подписания Договора прошло 14 лет. Все условия для этого существуют, особенно принимая во внимание исходящие от США позитивные сигналы об изме-

нении отношения к этому Договору». До вступления ДВЗЯИ в силу все государства должны придерживаться моратория на испытания ядерных взрывных устройств.

В-четвертых, все ядерные державы могли бы взять на себя обязательство (через совместное заявление либо односторонние параллельные заявления) об отказе от разработки новых, более совершенных типов ядерных вооружений.

В-пятых, на Конференции по разоружению в Женеве должны быть наконец разблокированы усилия по подготовке Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов для военных целей. Такой документ стал бы весомым практическим вкладом в дело разоружения.

В-шестых, все ядерные державы могли бы присоединиться к инициативе России и КНР относительно начала работы над Договором о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве.

В-седьмых, российско-американский Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД) следует сделать многосторонним — с обязательным участием в нем всех государств, имеющих ядерное оружие де-юре и де-факто.

Как видим, тезис о том, что дело ядерного разоружения должно быть заботой исключительно ядерных государств, верен лишь отчасти. Внести свою лепту в ядерное разоружение способны все государства — участники ДНЯО (а также и государства вне ДНЯО), если они заинтересованы в том, чтобы режим нераспространения не буксовал.

Отдельный вопрос — место ядерного оружия в военной политике. Вокруг этого развернулось немало дебатов, в том числе и в связи с принятием в феврале с. г. новой Военной доктрины Российской Федерации. На самом деле роль ядерного оружия в России этим доктринальным документом не пересматривается, сущностных изменений не произошло. Но речь не об этом. Для таких государств, как Россия или КНР, умалять сегодня значение ядерного оружия в своей военной политике вряд ли представляется разумным, и прежде всего с учетом недостаточной развитости у них новых типов неядерных вооружений (в первую очередь высокоточного оружия, играющего стратегическую роль).

Но если говорить о повестке дня не на пятилетку, а, скажем, на ближайшие 20 лет, действительно следует серьезно задуматься о том, что в XXI веке влияние ядерного оружия будет убывать и в военных, и в статусно-политических делах. Пока же представить себе «ядерный ноль» в текущем столетии сложно. Однако готовиться к ситуации «около ноля» стоит загодя.

ЧЕТВЕРКА «НЕЛЕГАЛОВ»

Помимо «легитимной» ядерной «пятерки» есть еще четыре члена «ядерного клуба», которые законам ДНЯО не подчиняются: Израиль, Индия, Пакистан (у каждого, по данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира, имеется от 60 до 80 развернутых боеголовок), а также КНДР. С учетом последней, наверное, правильно говорить о «трех с половиной» членах «ядерного клуба».

Существует и одно проблемное государство – Иран, где ядерного оружия нет, но нет и уверенности в том, что отсутствует подпольная военная ядерная программа с целью его создания. (При этом мы исходим из того, что политическое решение о создании ядерного оружия Тегераном пока не принято, хотя базовые технологические возможности для этого в основном подготовлены.)

Государство	Членство в ДНЯО	Статус в ДВЗЯИ	Кол-во проведенных ядерных испытаний	Членство в МАГАТЭ	Передача ядерных технологий третьим странам	Уровень обеспечения физ. защиты объектов ядерной инфраструктуры
Израиль	Нет	Подписал, не ратифицировал	н/д*	Да	н/д	н/д
Индия	Нет	Не подписала	9	Да	Нет	Удовлетв.
Пакистан	Нет	Не подписал	2***	Да	Да	Неуд.
КНДР	Участв. с 1985 г.**	Не подписала	2	Нет	н/д	н/д
Иран	Да	Подписал, не ратифицировал	Нет	Да	Нет	Удовлетв.

* Ядерных испытаний, скорее всего, не проводилось, хотя причастность Израиля к таинственной «вспышке» в 1979 г. в Южной Атлантике до сих пор не исключается.

**10 января 2003 г. КНДР заявила о возобновлении процедуры выхода из ДНЯО.

***Пакистан провел два подземных ядерных взрыва, в результате которого было взорвано шесть ЯВУ

Источник: ДНЯО-2010: как упрочить режим. М.: ПИР-Центр, 2010

Решения государств – участников ДНЯО призывают к «универсальности» Договора, то есть к необходимости всеобщего членства в нем. Однако «универсальность» документа не должна означать универсальности подходов к каждому из государств вне ДНЯО.

Индия создала собственное ядерное оружие в ответ на унижительное поражение в войне с Китаем, который к тому моменту им обладал и, более того, был признан ядерной державой, согласно ДНЯО. Действительно, Индия не успела вскочить на ступеньку вагона уходящего поезда под названием «ДНЯО» в качестве легитимной ядерной державы и провела первое испытание только в 1974 г. Но разве Индия не доказала всем своим поведением в последние десятилетия, что является ответственным ядерным государством? Разве Дели распространял военные ядерные технологии и материалы в третьи страны? Наконец, разве правомерно говорить о придании Индии неядерного статуса, не ставя параллельно вопроса о Китае?

Осознавая это, многие прагматичные участники международного сообщества, включая США и Россию, пошли в 2008 г. на беспрецедентный шаг – снятие с Индии ограничений в области ядерной торговли, которые «Группа ядерных поставщиков» налагала на любое государство вне ДНЯО. Споры вокруг данного решения много. Убеждены, что это был шаг в правильном направлении. Индия должна и впредь вовлекаться в вопросы ядерного нераспространения так, будто она является шестым участником «ядерного клуба», согласно ДНЯО, но не юридически, а фактически.

В свою очередь Дели должен воспринимать такие шаги международного сообщества не как индульгенцию, а как элемент диалога, подразумевающий взаимность, включая и ответственную политику со стороны Индии в области ядерного нераспространения и разоружения.

Считаем, что шаги в области ядерного разоружения, перечисленные выше применительно к ядерной «пятерке», могут и должны распространяться на Индию. В случае принятия этой «пятеркой» заявлений по наращиванию и несовершенствованию ядерных арсеналов Дели следует выступить с синхронным заявлением аналогичного содержания. Не ожидая уговоров подписать ДВЗЯИ и не оправдывая самоустранения отсутствием ратификации этого Договора со стороны США или КНР, Индия, напротив, должна показать пример ответственности, подписав и ратифицировав ДВЗЯИ в короткие сроки, а до вступления его в силу придерживаться моратория на ядерные испытания. Отчего то, что не считают для себя зазорным Великобритания, Россия и Франция, вдруг будет таковым для Индии? Наконец, Дели нужно аккуратно исполнять обязательство по постановке своей мирной ядерной деятельности под гарантии Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ).

Пакистан представляет собой совершенно иной случай, хотя, конечно, его ядерная программа была «догоняющей» Индию: «Траву будем есть, но

бомбу сделаем». Сегодня Пакистан — единственное государство, обладающее ядерным оружием, где политический режим расшатан и находится на грани коллапса. Хотя пакистанские военные не раз убеждали, что нет причин беспокоиться по поводу ядерного оружия и ядерных материалов, их учета, физической защиты от них, и контроля над ними, принять эти утверждения на веру трудно. Особенно потому, что именно в Пакистане и в непосредственной близости от него действуют наиболее агрессивные негосударственные объединения, стремящиеся получить несанкционированный доступ к ядерному оружию и его компонентам.

На Конференции по разоружению в Женеве Исламабаду следует перестать блокировать начало переговоров по Договору о запрещении производства расщепляющихся материалов для военных целей (хотя порой кажется, что за пакистанской блокировкой просматривается китайская тень). Пакистану тоже необходимо присоединиться к ДВЗЯИ, соблюдая мораторий на ядерные испытания вплоть до вступления этого договора в силу. И открыть доступ инспекторов МАГАТЭ к исчерпывающим материалам по делу Абдула Кадира Хана и его команды, продававших ядерные секреты. А далее пакистанскому руководству и военным стоит сообща задуматься: выигрывает ли страна, имея ядерное оружие? Действительно ли оно обеспечивает безопасность Пакистана? Не рискует ли ядерное оружие стать гвоздем, вбитым в гроб пакистанской государственности, а вовсе не ее гарантом, как там склонны полагать сегодня?

КНДР, как когда-то Пакистан, тоже «ест траву» ради ядерного оружия. Насколько значим северокорейский арсенал, судить трудно. Скорее всего, запасы оружейных ядерных материалов скудны. Тем не менее два испытания страна с грехом пополам осуществила. Серьезную озабоченность в мире вызывает развитая ракетная программа Пхеньяна. Северокорейское же руководство беспокоит, когда страну то включают в «ось зла» (первое «звено» этой «оси», как известно, сокрушили, а его лидера повесили), то игнорируют. Пхеньяну нужны внимание, гарантии безопасности и простор для торга. Вероятно, именно по этому пути и пойдут шестисторонние переговоры (КНДР, Южная Корея, КНР, Россия, Япония, США). Реализация соглашений в рамках данных переговоров со временем позволит Северной Корее восстановить полноценное участие в ДНЯО как неядерного государства. Пхеньян также мог бы поддержать мораторий на проведение ядерных испытаний и в дальнейшем присоединиться к ДВЗЯИ. Среди последующих шагов — участие вместе с Южной Кореей в процессе формирования безъядерного статуса Корейского полуострова: это — хорошо забытое старое.

Израиль заслуживает особого разговора. Потому что именно ситуация на Ближнем Востоке и корень зла — наличие у Израиля ядерного оружия и его неучастие в ДНЯО — могут стать основной миной замедленного действия под этот Договор.

Ни вопросы ядерного разоружения, ни проблема Ирана, никакие другие нерешенные задачи не способны нанести такой ущерб престижу и эффективности ДНЯО, как отсутствие прогресса в осуществлении резолюции Конференции-1995 по Ближнему Востоку. Она призывает «все без исключения государства на Ближнем Востоке, которые еще не сделали этого, как можно скорее присоединиться к Договору и поставить свои ядерные объекты под полномасштабные гарантии МАГАТЭ». В ней также фиксируется необходимость «сотрудничать и прилагать все усилия в целях обеспечения скорейшего создания региональными сторонами зоны, свободной от ядерного оружия и всех других видов ОМУ и систем его доставки, на Ближнем Востоке».

Прошло 15 лет. Прогресс — нулевой. Израиль сегодня — единственное государство региона вне ДНЯО. США, главный спонсор Израиля, вызывающе игнорируют резолюцию 1995 г. Год назад, на заседании подготовительного комитета к Обзорной конференции, глава американской делегации Роуз Гетемюллер выступила с удивительным для Вашингтона заявлением, напрямую указав на Израиль и потребовав от него присоединиться к ДНЯО. При этом, что не менее удивительно, про Иран не было сказано ни слова. Что это? Кардинальное изменение американской политики? Или тактическое заигрывание с Тегераном (которое вскоре захлебнулось)? Как бы то ни было, дальше благой постановки вопроса дело не пошло. Израиль не только игнорирует любые призывы открыть свои ядерные объекты для инспекций МАГАТЭ и начать переговоры о зоне, свободной от ядерного оружия на Ближнем Востоке, но и вслух рассуждает о том, как уничтожить ядерные объекты Ирана (где ядерное оружие отсутствует).

В настоящее время ситуация на Ближнем Востоке такова, что любой оптимизм в отношении самой возможности решения ядерной проблемы Израиля выглядел бы наивно. И тем не менее, когда и если положение в регионе начнет меняться к лучшему, а в Израиле придут к власти более ответственные и дальновидные лидеры, велосипед изобретать не придется. Рецепты продвижения в сторону безъядерного Ближнего Востока уже разработаны, в том числе и в начале 1990-х гг., когда ситуация была качественно иной и имелись надежды на прогресс.

В первую очередь от Израиля требуется согласие на распространение гарантий МАГАТЭ на ядерную инфраструктуру в Димоне. Далее, созда-

нию безъядерной зоны должно предшествовать недвусмысленное обязательство сторон воздерживаться от атак на ядерные объекты друг друга. За основу договора о такой зоне можно взять положения из Совместной декларации, подписанной Израилем и Иорданией (1993), о нормализации двусторонних отношений. Принципиально важно выработать систему верификации и мониторинга в регионе, где традиции доверия утрачены, а при этом можно использовать опыт, накопленный такими региональными организациями, как Евратом или Бразильско-аргентинское агентство по учету и контролю над ядерными материалами.

Хотя Израиль является ключом (а сегодня и основным тормозом) решения ближневосточной ядерной проблемы, другие государства региона не должны прикрываться антиизраильской риторикой, реализуя собственные амбиции.

Ирану следует прекратить политику уверток и предоставить МАГАТЭ исчерпывающие данные об истории своей прикладной военной ядерной программы, которая у него имелась. Только беспрецедентное сотрудничество с МАГАТЭ поможет Тегерану избежать изоляции. Но речь идет и о Египте, который пока, как и Иран, не ратифицировал ДВЗЯИ. Эти три государства региона (Египет, Израиль и Иран) должны ратифицировать данный договор как можно скорее.

И наконец, всем странам Ближнего Востока следует прислушаться к российской инициативе и отказаться от создания и развития чувствительных элементов ядерного топливного цикла.

ВЫХОДА НЕТ

Статья X п.1 ДНЯО гласит: «Каждый из участников настоящего Договора в порядке осуществления своего государственного суверенитета имеет право выйти из Договора, если он решит, что связанные с содержанием настоящего Договора исключительные обстоятельства поставили под угрозу высшие интересы его страны. О таком выходе он уведомляет за три месяца всех участников Договора и Совет Безопасности ООН». Вот и все. То есть вы можете втихую нарушать Договор. А когда почувствуете, что вас вот-вот поймают за руку, придумать «исключительные обстоятельства» — и на свободу (от обязательств по Договору) с чистой, как говорится, совестью...

КНДР этим уже воспользовалась. Пока только она одна. А что, если эту лазейку используют и другие? Вот и один из крупнейших иранских политиков Али Лариджани сначала хвалит ДНЯО, а затем заявляет: «Если по отношению к нам будет проводиться несправедливая политика, будут угрозы, ситуация может измениться».

Резолюция Совета Безопасности ООН 1887, принятая в прошлом году, намечает решение проблемы: «В соответствии с международным правом государство продолжает нести ответственность за нарушения положений ДНЯО, допущенные до выхода из Договора».

Думаем, удачны и некоторые инициативы российской стороны. В частности, предлагается, что в случае выхода государства из ДНЯО, МАГАТЭ должно провести проверку соблюдения этим государством своих обязательств по Соглашению о гарантиях. Преднамеренная деятельность и подготовка решения о выходе из Договора в целях проведения военной ядерной программы должны расцениваться как нарушение Договора. При выходе из Договора все созданные в мирных целях ядерные материалы, оборудование, технологии и установки должны оставаться под режимом гарантий МАГАТЭ. Если импортированные в страну ядерные технологии не будут возвращены государству-поставщику, то они остаются под пожизненными гарантиями агентства.

Комиссия по ядерному нераспространению под председательством Гарета Эванса и Йорико Кавагучи предлагает еще более жесткий подход: «Совет Безопасности ООН должен неукоснительно предотвращать выход из ДНЯО, давая ясно понять, что этот шаг будет расценен, при отсутствии доказательств в пользу обратного, как угроза международному миру и безопасности, а это подразумевает использование всех механизмов принуждения, которые связаны с применением главы VII Устава ООН».

Логично, чтобы после обсуждения эти предложения были закреплены в Заключительном документе Обзорной конференции ДНЯО 2010 г.

ЖИТЬ В ЭПОХУ РЕНЕССАНСА

Атомный ренессанс, пусть даже и очень мирный, трудно предсказуем. По оценке президента Франции Николя Саркози, к 2030 г. потребность в атомной энергии на нашей планете возрастет на 40 %. В то время как Европа пока далека от эпохи атомного «возрождения» и еще пребывает в состоянии постчернобыльской рефлексии, Азия и Латинская Америка торопятся «догнать и перегнать». Нет сомнений, что бум ядерной энергетики затронет такие государства, как Индия и КНР. Сложнее с теми, кто раньше не проявлял интереса к «мирному атому», но за последние два-три года начинает менять подход. Тут список обширный: от Вьетнама и Мьянмы до Иордании и ОАЭ в Азии; от Нигерии и Марокко до Кабо-Верде и Ливии в Африке; от Венесуэлы и Эквадора до Кубы и Чили в Латинской Америке. Другое дело, что кто-то из этого списка уже вплотную приблизился к строительству АЭС, а кто-то никуда дальше разговоров и не продвинется.

Как мирное использование атомной энергии в странах, не имеющих большого опыта, будет стыковаться с их обязательствами в области ядерного нераспространения? Главное правило, заложенное в статье IV ДНЯО, должно оставаться неизменным: не пойман — не вор, то есть если государство не замечено в нарушениях обязательств по ДНЯО, оно имеет полное право (без ограничений) на развитие атомной энергетики в мирных целях.

Однако те, кто развивают такую, могли бы использовать плоды международного разделения труда, идя по пути многосторонних подходов к ядерному топливному циклу. По сути, речь идет о формировании глобальной инфраструктуры ядерного топливного цикла через сеть международных центров. Но пока реально действующий центр один — Международный центр по обогащению урана (МЦОУ) в Ангарске, созданный по инициативе России, к которому уже присоединились Казахстан, Армения и Украина.

Некоторые развивающиеся государства (прежде всего Египет) высказывают опасения, что их таким образом заманивают в технологическую «ловушку», лишая законного права на развитие национальных программ. Безусловно, международные центры должны стать экономически привлекательными и политически приемлемыми для всех заинтересованных государств — участников ДНЯО, а также, возможно, для Индии. Тем, кто пока реагирует настороженно, стоит прислушаться к словам высокого представителя Генерального секретаря ООН по разоружению бразильца Сержио Дуарте: «Создание МЦОУ в Ангарске является конструктивным шагом, который может снять опасения в области ядерного нераспространения, так как это устраняет необходимость иметь национальные обогатительные возможности».

А для тех, кого беспокоит зависимость бесперебойных поставок ядерного топлива от политической конъюнктуры, создаются специальные топливные резервы, находящиеся под гарантиями МАГАТЭ (в частности, в том же Ангарске).

Конечно, таким государствам, как Иран, имеющим амбициозные планы в атомной отрасли, следовало бы более внимательно изучить инициативы и, не откладывая, присоединиться к ним, отказавшись либо сведя к минимуму собственные обогатительные программы — сомнительные с точки зрения экономической выгоды и политически провокационные.

И ДРУГИЕ НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ ЛИЦА...

«Мы твердо знаем об устойчивом интересе и задачах, поставленных террористами, заполучить в любом виде то, что называется ядерным оружи-

ем, ядерными компонентами» — таков неутешительный вывод российских государственных структур.

На основе анализа, проведенного в ПИР-Центре, можем утверждать, что за последние 15 лет международные террористические организации десятки раз осуществляли попытки несанкционированного доступа на ядерно опасные объекты с целью диверсий; пытались получить доступ к оружейным ядерным материалам; изучали возможности доступа к ядерным боеприпасам в процессе их транспортировки; работали над созданием так называемой «грязной бомбы», применение которой привело бы к масштабному радиоактивному загрязнению биосферы.

Из всех возможных террористических сценариев акты ядерного терроризма по-прежнему наименее вероятны. В первую очередь в силу совершенных систем физической защиты, учета и контроля ядерных боеприпасов и материалов, реализованных в большинстве государств, имеющих ядерное оружие либо нарабатывающих ядерные материалы.

Тем не менее цена такого теракта стала бы катастрофической, а психологические последствия были бы не менее масштабными, чем материальные. Нельзя забывать, что сегодня в России подспудный страх перед лицом ядерного терроризма чрезвычайно высок. По данным опроса ПИР-Центра, 83,4 % россиян опасаются, что оружие массового уничтожения, окажись оно в руках международных террористов, будет применено ими против нашей страны, и только 11,6 % респондентов не видят такой угрозы.

Налицо ряд факторов, которые способствуют повышению риска ядерного терроризма. Прежде всего, как ни парадоксально, это — высвобождение значительного количества ядерных материалов оружейного качества в результате процесса сокращения ядерных вооружений. Другой фактор — увеличение числа, рост влияния и расширение финансовых возможностей негосударственных игроков, таких, например, как террористические группы, транснациональные организованные преступные сообщества, сепаратистские движения на этнической основе, экстремистские религиозные секты. Наконец, как уже отмечалось, серьезным раздражителем является факт наличия ядерного оружия в политически нестабильном государстве — Пакистане.

Прошедший в апреле в Вашингтоне саммит по ядерной безопасности наметил меры, которые следует сообща принять в ответ на рост террористической угрозы. В данном случае ДНЯО бессилён — ведь речь идет не о государствах. Поэтому главную скрипку должен сыграть Совет Безопасности ООН. В 2004 г. он уже принял резолюцию 1540, согласно которой все государства должны воздерживаться от оказания любой помощи него-

сударственным субъектам, которые пытаются разрабатывать, приобретать, производить, обладать, перевозить, передавать либо применять ядерное, химическое или биологическое оружие и средства его доставки. Последовательное выполнение резолюции всеми государствами — членами ООН позволит минимизировать риск попадания ядерного оружия, оружейных ядерных материалов в руки террористов. Не менее важно, чтобы Совет Безопасности не попустительствовал тем членам ООН, которые игнорируют положения данной резолюции.

Заключительное коммюнике Вашингтонского саммита по ядерной безопасности справедливо обращает внимание и на роль МАГАТЭ: агентство должно иметь необходимые «структуру, финансовые ресурсы и возможности для экспертизы», а все государства — члены МАГАТЭ должны задуматься над «развитием культуры ядерной безопасности посредством развития технологий, обеспечения кадрами, их обучения и повышения квалификации».

* * *

Если участники Договора смогут добиться того, чтобы укрепить весь режим ядерного нераспространения через эффективное «лечение» отдельных «болевых точек» ДНЯО, Договор имеет все шансы на то, чтобы существовать еще очень долго. Он ведь бессрочный... А значит, вечный?